

Беда была в том, что древность её окружала дикая. Дикая и опасная.

Она уже сообразила, что рядом с этим дикарем живут где-то там за морем нормальные древние цивилизованные люди. И вот это напрягало. Фараон, Финикия, Вавилон, Афины – в разные стороны указывал старик, и Настя соображала – а она влетела не по-детски.

Здесь же рабство кругом процветает! Вы с ума сошли! Она не хочет в рабыни. Она им покажет рабыню, Спартак от зависти удавится. Она им тут восстание устроит такое, что весь Рим станет столицей русской демократии! Мысли в её голове мелькали чистые и пронзительные, как стрелы молний, Настя сверкала глазами и пугала аборигена, который притаился рядом.

Внезапно старик скорчил умильную мордашку, и сразу показался ей довольно симпатичным, он похлопал себя по голому животу, покрытому не только загаром, но и следами от царапин и ран.

Потом он указал и на её живот, не прикрытый маечкой – и на пальцах изобразил детский жест, как ногами перебирает человек при ходьбе. Да, живот от голода уже урчал иногда недовольным зверьком: «А кормить кто будет, хозяйка? Прекращай свои мудрствования, есть давай! Успеем на броневичок влезть и кепариком всем помахать – восстание восстанием, а еда по расписанию!»

Настя встала и кивнула этому Кадму: веди, Сусанин.

И они пошли. По дороге, которой никакой не было, а была незаметная тропинка малохоженая, уходили они от побережья, спокойно, не разговаривали. Настя опять пыталась сообразить важное: где она и в каком она месте очутилась.

Вчера в этой части острова особо высоких гор она не увидела, горы были далеко на севере Кипра в тридцати километрах от курортного поселка. Ещё она хотела на Олимп сходить обязательно. На Кипре, оказывается, есть свой Олимп! Но это надо на другую часть острова ехать, мама с папой были на этом Олимпе, рассказывали ей.

В округе на восточном берегу острова гор не было, холмов много, и к основанию одного холма и привел её этот «хоббит лысый».

В норе он проживал! В землянке он ютился. И ей уже было безразлично такое убожество – да хоть в пещере, жрать давай, корми гостью, Бильбо Кадмис.

И он её накормил, так накормил, что она надолго запомнила свой первый обед на Кипре. Кипром это место оказалось, правда, местные его так не часто называли, у них было несколько названий для своего родного острова, и «Кипрос» было самым ненавистным.

На обед старик предложил рыбу, на углях пожаренную, это она осилила. И даже мёд она одобрила и скушала горшочек – горшочек её удивил, и она его долго рассматривала.

Впервые в жизни она увидела нечто непонятное в привычном. Горшок был небольшой, величиной в два кулака всего, с широким горлом. Простой глиняный горшок без всяких глазурей, украшений рисунками. Но он был каким-то абсолютно совершенным. Он как лист белой бумаги был – всё просто, всё примитивно и элементарно – белый лист, чистый лист, и в нем всё было закончено и просто, а всякие украшательства, виньетки, даже клеточки и полосочки, облегчающие письмо, – это лишнее.

Настя видела, что простой горшок был очень правильным, аккуратным, хоть и примитивным. Он был вещью! Вот! Она довольная кивнула себе головой, точно, вот что она поняла: это был не просто горшочек, это была вещь. И мёд был вкусным, хоть и с примесью всяких листочков и травинок.

Хлеба не было. Зато соль была отличная – белая, как сахар, некрупная кристалликами.

День продолжался. Жизнь продолжалась. Хотя Настя Звягинцева уже серьезно успела рассмотреть вопрос: «А может быть, она умерла просто?» Нет никаких попаданий в альтернативную историю.

Эту глупость писатели выдумали. Вроде бы Марк Твен начал, американцы те ещё выдумщики. А насчет смерти люди давно фантазируют и ничего не могут внятного сообразить.

Вариант со смертью ей нравился. Он хоть на полпроцентика был понятным. Она просто умерла во сне. Молодой? И что? Она здоровая была? И что? Подойдет к тебе спящей террорист или бандит отморозок – и всё. И проснуться не успеешь. Не рая тебе, не ада, а вот такое место – «Кипр, который не совсем Кипр». И почему «не совсем Кипр»?

Звягинцева не испытывала повышенного интереса к истории, она никогда не интересовалась этим островом, Греция никогда не волновала её. Троя, Македонский, Афины, Кипр, Крит, Спарта...

О да, «Спарта это было прикольно!», классный фильм, хоть и скучный. Вторая серия ей больше понравилась, там такая готиченькая тетка злодейства изображала, просто жуть. «Артемисия! А актрису звали Ева Грин! Они там обе жуткие тётки – она и Лена Хиди снялись в этих «спартанцах» – жаль, что Еву Грин не взяли в «Игру престолов», они бы там этому карлику показали, как сестёр обижать», – размышляла о всяком никчёмном Настя.

Сытый человек – удивительный человек. Трудно понять то, что с ним происходит. Организм занят важнейшим делом. Это не просто так: забросал в рот топлива и пошёл себе дальше «коэффициент полезного действия» демонстрировать. Пищеварение – дело тонкое.

Настя только чуть наморщила нос, впервые приблизившись к странному месту: землянке, пристроенной к холму – «Нора», вылитая нора, как у хоббита, даже дыра входная была круглая, завешенная переплетенными сушеными пальмовыми листьями.

Абориген жил один. Совсем один, но ему кто-то помог в самом начале устроить себе жилище. У самого подножия холма, довольно крутого с этой стороны росли заросли какого-то кустарника. Не деревья это были, кустарник, но высокий – метра два в высоту уходили стволы. И старик хитро устроился: он как-то убрал часть кустов, сделал небольшое углубление в зарослях, а потом верхушки с кустов соединил – сделал крышей. И потом уже потихоньку вплетал ветви в стены и крышу, экологично и прикольно себе норку сообразил. Но и в сам холм он немного зарылся.

Настя была девочка не маленькая, метр шестьдесят восемь. Старик был не выше её, ей сразу стало неудобно, когда она заглянула в этот «домик». Головой она почти касалась живого потолка, и неровным он был, странное ощущение – непривычное. Хватило с неё сегодня всякого непривычного. И пахивало в домике неприятно – не очень хорошо. Не отвратно, но странно.

Покачав головой, Настя не стала заморачиваться с новыми негативными впечатлениями. Сейчас всё ей было плохо. Всё не так. Ладно, хоть покушала и можно было сидеть, жалеть себя несчастную и пытаться понять: а делать теперь что? Как жить?

Если не думать, если не шевелиться, не будет из этого никакого толку.

Анастасия Звягинцева не согласная была с такими перспективами! Ещё чего! Вот и сидела, прислушивалась к самой себе, кивала старику, который хоть сообразил «приодеться» – вылез из своей норки в поясе кожаном, к которому были прикреплены юбочкой полоски кожи почти до колен.

Старику она одобрительно кивнула, когда он опять изобразил жест «шевели ногами» и выдал перевод на местный: «пао». Потом ткнул себе в грудь и добавил: «Эго пао», указал на Настю и продолжил: «Иси пас».

Звягинцева кивнула головой и прекратила это безобразие, улыбнувшись своим мыслям: «Вот тебе и универ. Вот тебе и иняз. Греческий это, эгоизм – это греческое слово. Поступила, блин, первокурсница».

Она встала, увидела подходящее место, где была проплешина земли, пошла к ней и поманила старичка преподавателя за собой, не удержалась и похвасталась: «Иси пас, Кадм».

Прихватила обломок ветки и написала латиницей новые слова на земле. Протянула ветку старику. Кадм посмотрел, отрицательно покачал головой и исправил буквы на всякие «альфы и омеги». Настя кивнула – точно Греция. Пишут уже!

Ой, мамочка, кругом рабовладельцы. Ахиллеса совсем не добрые, спартанцы странные какие-то, смелые они и доблестные, но рабов илотов они гнобили жестоко – только прячься от таких.

Надо скорей учить эту азбуку, язык местный, а то «сдохнет Масяня в рабстве... хе-хе, не дождётесь!»